

Елена Арсеньева

Сквозь ледяную мглу (Зоя Воскресенская-Рыбкина)

Часть сборника
Дама плаща и кинжала (сборник)

Елена Арсеньева
Сквозь ледяную мглу (Зоя
Воскресенская-Рыбкина)
Серия «Дамы плаща и кинжала»

Текст книги предоставлен издательством "Эксмо"

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161302

*Елена Арсеньева «Дамы плаща и кинжала», серия: Исторические
новеллы о любви: ЭКСМО; Москва; 2004*

Аннотация

«Это письмо обращено к мертвому, любимому, забытому... После ее смерти среди бумаг нашли шесть таких писем – крики, зовы одинокой, страдающей души. Услышал ли он их там, где пребывал? И если *там* сохраняется память, вспомнил ли, как сначала они недолюбливали, можно сказать даже – ненавидели друг друга?..»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

16

Елена Арсеньева

Сквозь ледяную мглу

Зоя Воскресенская-Рыбкина

Мир догадок и тайн... Мир коварства и обмана, в котором как рыбы в воде чувствовали себя не только мужчины, но и женщины. Выведать государственную тайну, оказать влияние на политику целой страны или поведение некоего выдающегося человека, организовать убийство императора или полководца – они справлялись с этими заданиями с той же лихостью, что и их коллеги сильного пола.

Их сила была в их слабости.

Виртуозные притворщицы, они порой и сами не могли отличить свою ложь от своей правды. Именно поэтому в эти игры охотно вступали актрисы: каждая из них мечтала об амплуа главной героини интриги! Бывало, впрочем, что и добропорядочные мужние жены, вдруг ощутив в крови неистовый вирус авантюризма, вступали на тот же путь.

Каждая из них вела свою роль под маской невидимки. Великую роль – или эпизодическую, ведущую – или одну из многих. Кто-то из них вызывает восхищение, кто-то – отвращение.

Странные цели вели их, побуждали рисковать покоем, честью, жизнью – своими и чужими. Странные цели, а порою и непостижимые – тем более теперь, спустя столько лет и даже веков. Хотя... ведь было же когда-то сказано, что цель оправдывает средства. Для них это было именно так.

Познакомившись с нашими российскими дамами плаща и кинжала, можно в том не сомневаться.

* * *

«– Солнце души моей!

Померкло мое солнце. И я в черной ночи вишу над бездонной, над страшной пропастью. Зачем я пишу тебе, куда я пишу тебе, зачем обманываюсь? Совсем недавно я чувствовала себя 25-летней. А сейчас мне даже не сорок – семьдесят. Тянет вниз, но ты не простишь бы мне, если бы я сорвалась. Сегодня Алешенька гадал на ромашке «любит – не любит» и, как в прошлом году, уверенно воскликнул: «Любит папа маму!»»

Часто я сижу с закрытыми глазами, а иногда просто глядя перед собой. И вдруг начинаю кричать – протяжно, дико, протестующе. Я готова вырвать сердце из груди – такое горячее и колючее. Оглядываюсь кругом: люди сидят и говорят со мной, а на их лицах деловое, обычное выражение. Значит, я кричала молча.

Я живу, как птица с поломанными крыльями. Как

мне не хватает тебя!»

Это письмо обращено к мертвому, любимому, незабытому... После ее смерти среди бумаг нашли шесть таких писем – крики, зовы одинокой, страдающей души. Услышал ли он их там, где пребывал? И если *там* сохраняется память, вспомнил ли, как сначала они недолюбливали, можно сказать даже – ненавидели друг друга?

У некоторых людей бывает любовь с первого взгляда, а у них с первого взгляда возникла взаимная неприязнь, которая только усиливалась с каждым днем совместной работы. Они спорили по поводу и без повода. Ей казалось, что в начальники ей достался какой-то легкомысленный бездельник, который определенно провалит дело. Вот уж воистину – плейбой! Он бы тоже предпочел кого-нибудь повеселей и поговорчивей этой красавицы с непреклонным выражением точеного лица и высокомерными повадками. Не сговариваясь, они обратились к высшему начальству с просьбами – почти с мольбами! – перевести эту (этого) «в другое место, подальше от меня». Начальство ответило кратко: сейчас нет возможности для перевода, придется вам в интересах дела еще немножко пострадать, дорогие товарищи Кин и Ирина. Недолго – полгода.

«Ну, полгода я как-нибудь потерплю, тем паче – в интересах дела!» – стиснув зубы, подумал каждый из вышеназванных товарищей.

Спустя три месяца по начальству была отправлена новая

просьба – уже совместная: товарищи Кин и Ирина выпрашивали разрешения сочетаться законным браком. Исключительно ради собственных интересов!

– Обязательно им наше разрешение понадобилось, – проворчал один из начальников, крайне недовольный поворотом ситуации: то видеть друг друга не могли, теперь друг без друга не могут. Несерьезно как-то! Взрослые люди, в конце концов. Наверное, уже всю жизнь живут вместе. Ну и жили бы на здоровье, так нет же: брак им понадобился.

– Ну, это вряд ли, что вместе живут! – усмехнулся другой руководящий товарищ. – Ты что, забыл, какая штучка наша Ирина? У нее нравы строгие! Помнишь, как застрелиться собиралась, когда... – Он выразительно хмыкнул. – Поэтому, думаю, Кин все еще ходит вокруг нее кругами. Но, скажу я тебе, тут наверняка дела не простые, наверняка любовь до гроба, иначе этого рапорта не было бы.

– Любовь! – хмыкнул первый начальник. – Ну что, пусть женятся, как ты считаешь?

– Да на здоровье! – махнул рукой второй, и Кину с Ириной была отбита секретная депеша, в которой содержалась некая разновидность сакраментального благословения: «Плодитесь и размножайтесь!»

Буквально на другой день после получения шифрограммы (это было в декабре 1935 года) второй секретарь полпредства СССР в Финляндии Борис Николаевич Ярцев (Кин) наконец-то остался на ночь в спальне своей жены Зои Иванов-

ны Ярцевой (Ирины), в ее постели, а не на неудобном диванчике в гостиной. Юмор ситуации состоял в том, что эта парочка с самого начала состояла в браке – правда, в фиктивном. И только теперь, с благословения вышестоящих инстанций, они смогли дать волю своим чувствам и перестать морочить людям головы: по видимости муж и жена, а фактически – на пионерском расстоянии...

Хотя нет. Морочить людям головы они – в том-то и дело! – не могли и не имели права перестать, потому что работа у них была такая. Кин (он же Борис Николаевич Ярцев, он же Борис Николаевич Рыбкин, он же Борух Аронович Рывкин) и Ирина (она же Зоя Ивановна Ярцева, она же Зоя Ивановна Воскресенская) состояли на службе в советской разведке и являлись ее резидентами в Финляндии. Сейчас они были более или менее легализованы, однако в прошлом у каждого были задания, выполненные на нелегальном положении, под чужими именами и фамилиями, в самых что ни на есть рискованных ситуациях и с несомненной опасностью для жизни.

Кстати, пассаж руководящего товарища насчет строгости нравов молодой жены и в самом деле был уместен. Еще не забылся случай, приключившийся два года назад. В то время Зоя была куратором чекистской деятельности в Эстонии, Литве и Латвии. Она жила в Риге под именем баронессы Воскресенской и своими манерами, нарядами и строгой красотой сводила с ума весь бомонд. Для нее общение с рижской буржуазией и даже «высшим светом» было хорошей школой.

Прибалтику уже тогда называли маленькой Европой, и Зоя готовилась здесь к спецзаданиям, которые ей предстояло выполнять на Западе.

Одно из таких заданий не заставило долго себя ждать. Из Центра пришел приказ – ехать в Женеvu для знакомства с неким прогермански настроенным швейцарским генералом. Он служил в Генштабе, дружил с военным атташе немецкого посольства и, по совершенно точным данным, владел информацией о намерениях Германии по отношению к Франции и Швейцарии. Ну а Центр, в свою очередь, владел информацией, что тот генерал – бабник высокого полета, причем сходит с ума по славянкам высокого роста и аристократической внешности. Волосы предпочитал русые, глаза – большие, желательно серые... «Баронесса Воскресенская» безупречно годилась на роль генеральского идеала. Ей предписывалось не просто познакомиться с «объектом», но и стать его любовницей, чтобы с помощью «доверительных разговоров» в постели выведать необходимые факты.

– А становиться генеральской любовницей обязательно? – робко спросила Зоя у связного, который передал ей задание. – Разве без этого никак нельзя?

– Нельзя, – твердо ответил связной, который имел на сей счет самые исчерпывающие инструкции.

«Баронесса» сначала съежилась, потом высокомерно вздернула подбородок над мехами, в которые зябко куталась:

– Хорошо, я стану его любовницей, если без этого нель-

зя. Только сразу предупреждаю: задание выполняю, а потом застрелюсь.

– Не надо! – торопливо сказал связной, имевший инструкции на все случаи жизни. – Черт с ним, с генералом. Вы нам нужны живой!

Ее и в самом деле очень ценили. Женщин в то время в разведке было немного, и относились к ним неоднозначно. «Женщины-разведчицы являются самым опасным противником, причем их всего труднее изобличить», – утверждали одни. Другие привлекали дам только для вспомогательных целей и уверяли: «Женщины абсолютно не приспособлены для ведения разведывательной работы. Они слабо разбираются в вопросах высокой политики или военных делах. Даже если вы привлечете их для шпионажа за собственными мужьями, у них не будет реального представления, о чем говорят их мужья. Они слишком эмоциональны, сентиментальны и нереалистичны»¹.

Однако Зоя вовсе не была эмоциональна, сентиментальна и нереалистична. Она была «выдержанным и трезвомыслящим товарищем» и на первом же месте своей разведработы – в Харбине – показала себя с самой лучшей стороны.

Строго говоря, когда ее посылали туда заведовать секретно-шифровальным отделом «Союзнефти», никто не сомневался, что двадцатитрехлетний резидент все сделает как надо. Сомневались – не назначили бы на такую работу. Девоч-

¹ Эти слова принадлежат знаменитому разведчику Рихарду Зорге.

ка была из своих, проверенная многими годами работы, учебы, службы.

Отец ее служил помощником начальника небольшой железнодорожной станции Узловая в Тульской губернии. Зоя была старшей в семье – родилась в 1907 году – и даже начала учиться в гимназии, прежде чем в России все стало с ног на голову.

«Осень семнадцатого. Уже отшумел февраль. В России Временное правительство, а впереди Октябрь... Помню, до того, как свергли царя, мой средний брат Коля все спрашивал, приставал к отцу: «Папа, а царь может есть колбасу с утра до вечера? И белую булку? Хорошо быть царем!»

И вот, я помню, как-то отец принес домой кипу трехцветных флагов Российской империи. Дал нам и сказал: «Оторвите белые и синие полосы, а из красных сшейте один настоящий красный флаг!»

(К сожалению, походить под этим красным флагом Ивану Павловичу Воскресенскому не удалось: он умер от туберкулеза. И вот тут-то, при наступившей «народной власти», мальчику Коле впору было спрашивать: «А Ленин может *хлеб* есть с утра до вечера?»)

«После эпохального Октября 1917 года в обиход вошли новые слова: «ленинский декрет». Первые декреты передавались из рук в руки. Нас часто просили их прочитать: грамотных было мало, а я уже окончила к тому времени один класс гимназии. Вскоре началась Гражданская. К Туле рвал-

ся Деникин, и мы все, от мала до велика, работали на подступах к городу, помогали натягивать колючую проволоку.

Потом был голод. По распоряжению Ленина в школах нам выдавали чечевичную похлебку: Ильич спасал наше поколение. Нам еще помогали леса – в них были грибы, ягоды. Ока была полна рыбы. Мы ставили плетеные верши в воду, и они быстро набивались рыбой, но соль – соль невозможно было достать...»

Свои воспоминания о том времени Зоя Ивановна писала уже в постперестроечный период, и любопытно наблюдать, как здесь переплетаются усилия наконец-то сказать правду (воспоминания так и называются – «Теперь я могу сказать правду») с въевшимся в душу стремлением оправдывать советское государство, вечно заступаться за те зверства, которые оно творило с ни в чем не повинными людьми, восхвалять все подряд, хотя бы стиснув зубы и кривясь от отвращения...

Итак, умер отец, мать тяжело заболела и перебралась с маленькими детьми в Смоленск к родне. Там она совсем слегла, и все заботы о семье свалились на Зою. А ей было только четырнадцать лет.

«Я осталась за хозяйку в доме. Восемилетний Женя и одиннадцатилетний Коля были предоставлены самим себе, озорничали, приходили домой побитые, грязные, голодные... И здесь выручил случай. Я встретила на улице товарища отца, военного... Рассказала ему о своих бедах. Он ве-

лел прийти к нему в штаб батальона. Так я вошла в самостоятельную жизнь».

Ее зачислили на работу: библиотекарем 42-го батальона войск ВЧК Смоленской области. А вскоре она стала бойцом ЧОНа (частей особого назначения) – карательных отрядов, которые набирались из молодежи. ЧОН – это была гениально-жестокая находка Советской власти. Большевики беззастенчиво пользовались горячностью юности, энергией естественной агрессивности этого возраста, неразумным, порою безрассудным бесстрашием, а главное – легкой управляемостью и податливостью молодежи. Оружие, форма, практическая вседозволенность – о, это сильно пьянило полудетские неразумные головы! Сколько невинной «вражеской» крови было пролито мальчишками (и девчонками) по приказу партии! Спустя десяток лет в фашистской Германии по образу и подобию чоновских частей организуют отряды юнгштурмистов. Юнгштурмисты будут до последнего, даже после разгрома гитлеровской армии, умирать в разгромленном Берлине, пытаясь его защитить, – ну а чоновцами Советы затыкали любую кровавую дырку на том бесконечном фронте, который в то время представляла собой Россия.

Зое Воскресенской повезло. Она была умница, грамотная, сообразительная – поэтому ее из рядовых бойцов довольно быстро сделали политруком-воспитателем, а затем – воспитателем в колонии для несовершеннолетних правонарушителей. Колония находилась под Смоленском. Здесь очень

пригодился Зоин бесспорный талант вызывать к себе доверие людей. Строго говоря, ей было можно доверять: она пребывала в лучезарном убеждении, что плохих людей вообще нет, и даже если хорошенько поговорить с каким-нибудь закоренелым беляком, он немедленно покраснеет.

Что характерно, жизнь как ни была нашу героиню, так и не избавила ее от этих иллюзий, что покажет дальнейшее повествование.

В последующие годы она шла привычным для многих своих современниц комсомольско-партийным путем и наконец была направлена на учебу в Москву, в Педагогическую академию им. Крупской. Это было осенью 1928 года. Тогда же Зоя вышла замуж за комсомольского активиста Владимира Казутина и даже родила от него сына. Вскоре она рассталась с мужем, который совершенно не понимал, почему молодая жена и мать не может нормально заботиться о крошечном ребенке, а должна выполнять распоряжения ОГПУ (в то время Зоя числилась машинисткой отделения ДТО ОГПУ на Белорусском вокзале, однако уже тогда начинала вести агентурную работу). Ну а когда ее направили на Лубянку для работы оперативным сотрудником ИНО (иностранного отдела), между супругами возник нешуточный конфликт. Вступили в схватку любовь и долг. Молодая функционерка поняла, что супруг оказался сугубо чуждым ей человеком, вернее, как было принято выражаться в ту приснопамятную пору, *чуждым элементом*. Развод в коммунистической среде

не поощрялся, однако лучше уж развестись, чем свернуть с генерального курса!

Генеральный курс был теперь для Зои выверен четко: она работала в так называемых организациях прикрытия: в тех фирмах, которые курировали, организовывали и прикрывали разведработу за рубежом. Была заведующей машбюро Главконцесскома СССР, потом заместителем заведующего секретной частью Союзнефтесиндиката. Но в это время изучала азы своей будущей деятельности – разведки. Она виртуозно выучилась «обрубать хвосты» при слежке, освоила общение через пароли и отзывы, знала, как рассекретить тайники, как вербовать агентов, как вести себя на явках, на конспиративных квартирах...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.